

Л. А. Ермакова

Гендерные оппозиции в ономастическом пространстве поэзии Марины Цветаевой

В статье анализируются семантические противопоставления, представленные именами собственными, которые приобретают в поэтическом тексте определенную гендерную окрашенность.

Ключевые слова: ономастическое пространство, гендерная оппозиция, семантика прецедентного имени.

L. A. Ermakova

Gender Oppositions in the Onomastic Field of Marina Tsvetaeva's Poetry

The article focuses on the analysis of the semantic oppositions, represented by proper names, which acquire specific gender characteristics in the poetic text.

Keywords: an onomastic field, gender opposition, precedent name semantics.

Исследователи творчества М. Цветаевой (Р. С. Войтехович, И. В. Кудрова, Е. Ю. Муратова, О. Г. Ревзина и др.) активно обращаются к анализу имен собственных как структурно значимых элементов ее поэтического пространства. Лирический дискурс М. Цветаевой чрезвычайно насыщен онимами, образующими ономастическое пространство, которое составляют во взаимодействии антропонимы и топонимы [7, с. 196]. Анализ ономастического пространства позволяет установить ключевые единицы концептуальной картины мира поэта. Доминантный характер антропонимической лексики в ономастике поэта объясняется, прежде всего, биографическими фактами: по словам самой Цветаевой, она была «ненасытной» на души [Цитируется по: 5, с. 311].

Особенность антропонимической сферы поэзии М. Цветаевой заключается в наличии не только единичных имен собственных, но и пар, вступающих в смысловые оппозиции «мужчина – женщина». В данной статье анализируются семантические противопоставления, представленные именами собственными, которые служат средством обозначения референтов с определенными гендерными признаками. Поэтому можно говорить, что поэтический текст фиксирует гендерную парадигму, отражающую взгляд автора на символический смысл «мужского» и «женского». Под гендером в нашем исследовании мы понимаем «социальные и культурные импликации,

вкладываемые в концепты мужское – женское» [4, с. 52].

Все антропонимы, участвующие в образовании смысловых оппозиций (27 пар), можно условно разделить на две категории: 1) собственные номинации из бытового общения; 2) прецедентные имена, под которыми мы будем понимать онимы, связанные с хорошо известным текстом, как правило, являющимся прецедентным, или с прецедентной ситуацией [6, с. 456].

В первом тематическом поле можно выделить две группы: «воображаемые личности» (*Мариноушка с Егорушкой*) и «имена реальных лиц» (*Ариадна*). Первая оппозиция создана при помощи непроизводного предлога с, который указывает на совместимость и сочетание предметов/признаков, а также на исчерпанность перечня объединяемых единиц, редуцируя противоречия между сопоставляемыми элементами и акцентируя их единство: *Вы же ребрышко от ребрышка // Мариноушка с Егорушкой...* [9, с. 220].

Имена собственные употребляются в первичной (соотнесение имени с тем объектом, заместительным знаком которого оно является) и вторичной функциях (имя собственное – средство описания иного объекта или понятия) [8, с. 176]. Группа «имена реальных лиц» имеет своеобразную структуру: состоит из имени собственного, употребленного в прямой номинации (*Ариадна*, дочь М. Цветаевой), и онима, выступающего в качестве препозитивного имени, связанного с тем

сюжетом, который оправдал его известность (*Тезей*). Объектом описания в данном случае выступает герой другого временного пласта, не синхронного героине. Тезей – популярный герой античных сказаний, победивший Минотавра и вышедший из лабиринта благодаря Ариадне, которую он впоследствии покинул. Оппозиция здесь реализуется путем сопоставления «неравнозначных» элементов: маленькая («малолетняя») *Ариадна*, только начинающая свой жизненный путь, и неопределенное лицо мужского пола (тоже юное на данный момент: *Будет «он» – ему сейчас // Года три или четыре...*), но названное вероломным («коварным, предательским») *Тезеем*, в имени которого имплицитно таится тайная сила и превосходство. *Тезей* в этом контексте является олицетворением того «непроглядного» будущего, о котором идет речь в самом начале стихотворения: *Ах, несмотря на гадания друзей, // Будущее – непроглядно. // В платьице – твой вероломный Тезей, // Маленькая Ариадна* [9, с. 69]. Данный пример противоречит традиционному взгляду на семантический статус членов бинарной оппозиции мужчина – женщина, согласно которому существует «связь специфически мужских богов с белым цветом, при связи с темнотой женских божеств» [3, с. 180]. Своеобразная трактовка устоявшихся в обществе законов и положений характерна для Цветаевой-поэта, которая смело могла взглянуть на любую ситуацию через призму своего творческого сознания.

Таким образом, первая категория смысловых оппозиций представлена именами собственными в прямой номинации (искл. *Тезей*) и отражает некий вымышленный мир, очень часто моделируемый Цветаевой в ранних стихотворениях.

Категория «прецедентные имена» представлена следующими тематическими группами:

1) герои художественных произведений (*Ромео – Джульетта, Кай – Снежная Королева, Ярославна – Игорь, Офелия – Гамлет, Дон-Жуан – Донна-Анна, Дон-Жуан – Кармен*);

2) мифологические персонажи (*Тезей – Ариадна, Федра – Инполит, Эвридика – Орфей, Поликсена – Ахилл, Офелия – Орфей, Елена – Ахиллес, Ахиллес – Пенфезилея, Артемиды – Аид, Венера – Цицерон*);

3) маскарадные персонажи (*Арлекин – Пьеретта*);

4) библейские образы (*Ева – Адам, Юдифь – Олоферн, Самсон – Далила, Суламифь – Соломон*);

5) исторические личности (*Петр – Софья, Лжедмитрий – Лжемарина, Цезарь Борджиа – Лукреция, Овидий – Сафо, Цицерон – Венера*);

6) имена, вводимые как типичное национальное имя (*Ганс – Грета*).

Собственные имена в характеризующей функции входят в состав предложения в форме творительного падежа, в котором нерасчлененно представлены значения уподобления и образа действия [2, с. 184]: *Над скольких Ев невинных – змеем, / Над скольких Ариадн – стою – Тезеем?!* [9, с. 168]; *Приклонись к земле – и вся земля // Песнею заздравной. // Это, Игорь, – Русь через моря // Плачет Ярославной* [9, с. 346]; – *Своекорыстная кровь! – // Проклята, проклята будь // Ты – Лжедмитрию смогшая быть // Лжемаринной!* [9, с. 355].

Особо насыщенным семантическими противопоставлениями представляется нам следующий контекст: *В городе Гаммельне столько ж Грет, // Сколько, к примеру, Гансов. // Ганс или Грета. Не Грета – Ганс. // За валунами в реку – // В Гаммельн за Гретами. Контраданс: // Коли не Ганс – так Грета*. Оппозиции, обнаруженные здесь, созданы следующими средствами: отрицательной частицей *не* (*не Грета – Ганс*); разделительным союзом *или* (*Ганс или Грета*); двойными союзами *коли не ... так* (*коли не Ганс – так Грета*), *столько ж ... сколько* (*столько ж Грет, сколько, к примеру, Гансов*). В данном случае наблюдается нейтрализация оппозиций: важными становятся не различия между мужчиной и женщиной, а их равное количество и гармоничное сочетание. Употребленные в форме множественного числа имена собственные (*Грет, Гансов*) становятся номинацией класса, то есть репрезентируют единое национальное сообщество, члены которого характеризуются безликостью и отсутствием индивидуальности – чертами, высоко ценящимися в Гаммельне: *Итак, в семействе // Гаммельнском – местоименя «я» // Нет: не один: все вместе. // За исключением веских благ // Я – означает всяк*.

Взаимодействие топонимов с антропонимами и нейтрализация оппозиций поддержаны в анализируемом отрывке звукописью, основанной на повторении начального звука [г] в именах собственных. Звуковое подобие в поэзии М. Цветаевой, по мнению Л. В. Зубовой, часто переходит в подобие смысловое [2, с. 48], что дает нам право предположить, что *Ганс* и *Грета* являются равноправными и могут быть взаимозаменяемыми. Прием аллитерации (повторение согласных *г, р,*

н, с) служит средством выделения семантически значимых элементов высказывания. Наиболее значимое слово в этом контексте актуализируется на общем звуковом фоне благодаря включению в его состав опорных звуков: **Грета – Ганс – контраданс**. Лексема *контраданс*, которая содержит сему противопоставления (от фр. *contre* – 'против'), скорее, объединяет элементы оппозиции и акцентирует единство партнеров в танце (мужчины и женщины), так как контраданс – танец, в котором пары танцуют одна напротив другой.

Большое количество номинаций входит в оппозиции, созданные синтаксическими средствами при помощи непроизводного предлога *с*, который указывает на совместность и сочетание предметов/признаков, например: *Маринушка с Егорушкой* [9, с. 220]; *Самсон с Далилой* [9, с. 322]; *Елена с Ахиллесом* [9, с. 486]; *сын Фетиды // С дочерью Аресовой: Ахиллес // С Пенфезилей* [9, с. 487] и др.

Некоторые из них образуют союзные открытые ряды, оформляющие отношения соединения, в которых компоненты оппозиции являются равноправными, например: *Рядом – женщина, в любовной науке // И Овидия И Сафо мудрей* [9, с. 90]. Закрытые ряды с синтаксически дифференцированными членами могут создавать градационные отношения, что наблюдается в следующем контексте: *Во образе прелестном сем смущен // Не только Цицерон – сама Венера!* [9, с. 174]. Между компонентами ряда возникает различие по степени проявления качества, второй член оппозиции не только гендерно противопоставлен первому, но и указывает на свое доминирующее положение, то есть градационный ряд в данном случае является восходящим.

Встречаются такие оппозиции, в которых один компонент содержит отрицательную оценку по психологическим, моральным или умственным качествам. В таких случаях семантические акценты можно объяснить прочно вошедшими в язык стереотипами, согласно которым женщине присущи многие слабости, пороки и недостатки. Так, например, слышен упрек Марине Мнишек за то, что она не сберегла любимого и не родила ему сына [5, с. 391]: *Трем Самозванцам жена, // Мнишка надменно дочь, // Ты – гордецу своему // Не родившая сына...* [9, с. 355].

Оппозиции, в которых обнаруживается упрек в сторону мужчин: *Адам, проглядевший Еву* [9, с. 354]; отрицательная оценка мужского пола и выступление в защиту женщин не единичны: *Принц*

Гамлет! Не Вашего разума дело // Судить воспаленную кровь. // Но если... Тогда берегись!.. Сквозь плиты – // Ввысь – в опочивальню – и всласть! // Своей королеве встаю на защиту – // Я, Ваша бессмертная страсть [9, с. 454]. Противопоставление и создание контрастной доминанты усиливается за счет параллелизма конструкций: *Но нет! Конец твоим затеям! // У брата – есть сестра... // – На Интернационал – за терем! // За Софью – На Петра!* [9, с. 309]. Система противопоставленных образов закрепляется символическим сопоставлением: *Софья – терем* (сохранение традиционных боярских устоев), *Петр – интернационал* (реформаторская деятельность с ориентацией на Европу, укрепление международных контактов).

Особого внимания заслуживает стихотворение «Подруга»: *И гладила длинный ворс // На шубке своей – без гнева. // Ваш маленький Кай замерз, // О Снежная Королева*. Гендерно маркированные прецедентные имена (*Кай* и *Снежная Королева*) вступают в смысловую оппозицию, но сопоставляют не мужчину и женщину, а двух женщин, так как стихотворение адресовано С. Парнок. Наличие лексем мужского рода, служащих для создания образа лирической героини, – распространенное явление в творчестве поэта. Люди из ближайшего окружения Марины Ивановны и, впоследствии, критики ее творчества не раз сравнивали ее с «сильным полом»: А. Эфрон, дочь Цветаевой, отмечала, что у ее матери была фигура египетского мальчика [10, с. 1], а И. Бродский называл ее Йовом в юбке [1, с. 56].

Анализ ономастического пространства позволяет проследить эволюцию поэтического идиолекта. В ранних произведениях М. Цветаевой преобладают имена реальных лиц, а также пласт русской и европейской культуры, который продолжает активно использоваться и в более поздней лирике. Поэтический словарь 20-х и 30-х гг. XX в. наполняется библейскими и мифологическими именами, семантика оппозиций усложняется, а имена собственные чаще употребляются преимущественно в характеризующей функции. Специфической чертой смысловых оппозиций является наличие или отсутствие явной гендерной маркированности. Семантическое взаимодействие мужчина – женщина проявляется разными типами смысловых отношений: противопоставления, тождества, нейтрализации оппозиций, подчеркивающей энантиосемичность сопоставляемых объектов.

Библиографический список

1. Волков, С. М. Диалоги с Иосифом Бродским [Текст] / С. М. Волков // Соломон Волков. – М.: Эксмо, 2012. – 448с.: ил.
2. Зубова, Л. В. Поэзия Марины Цветаевой: Лингвистический аспект [Текст] / Л. В. Зубова. – Л.: Издательство Ленингр. ун-та. 1989. – 263 с.
3. Иванов, В. В., Топоров В. Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы (древний период) [Текст] / В. В. Иванов, В. Н. Топоров. – М.: Наука, 1965. – 246 с.
4. Кирилина, А. В. Гендерные аспекты языка и коммуникации [Текст] : дис. ... д-ра филол. наук / А. В. Кирилина. – М., 2000. – 330 с.
5. Кудрова, И. В. Просторы Марины Цветаевой: Поэзия, проза, личность [Текст] / И. В. Кудрова. – СПб.: Вита Нова, 2003. – 528 с., ил.
6. Муратова, Е. Ю. Роль мифологических и библейских имен в поэтике Марины Цветаевой [Текст] / Е. Ю. Муратова // «Чужбина, родина моя!»: Эмигрантский период жизни и творчества Марины Цветаевой: сб. докладов XI Международной научно-тематической конференции (Москва, 9–12 октября 2003 года). – М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2004. – 562с.
7. Николина, Н. А. Филологический анализ текста [Текст] : учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / Н. А. Николина. – М.: Издательский центр «Академия», 2003. – 256 с.
8. Ревзина, О. Г. Собственные имена в поэтическом идиолекте М. Цветаевой [Текст] / О. Г. Ревзина // Поэтика и стилистика. 1988–1990 / отв. ред. В. П. Григорьев. – М.: Наука, 1991. – С. 172–192.
9. Цветаева, М. И. Полное собрание поэзии, прозы, драматургии в одном томе [Текст] / М. И. Цветаева. – М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2009. – 1214 с.: ил. – (Полное собрание в одном томе).
10. Эфрон, А. О Марине Цветаевой: Воспоминания дочери [Электронный ресурс] / Проект «Мир Марины Цветаевой». Координатор проекта: Ф. Левичев, 1999–2002. – Режим доступа: <http://www.synnegoria.com/tsvetaeva/WIN/ariadna/strvosp.html> свободный. – Загл. с экрана (20.09.2012).

Bibliograficheskiy spisok

1. Volkov, S. M. Dialogi s Iosifom Brodskim [Tekst] / S. M. Volkov // Solomon Volkov. – M.: EHKsmo, 2012. – 448s.: il.
2. Zubova, L. V. Poehziya Mariny TSvetaevoj: Lingvisticheskiy aspekt [Tekst] / L. V. Zubova. – L.: Izdatel'stvo Leningr. un-ta. 1989. – 263 s.
3. Ivanov, V. V., Toporov V. N. Slavyanskie yazykovye modeliruyushhie semioticheskie sistemy (drevnij period) [Tekst] / V. V. Ivanov, V. N. Toporov. – M.: Nauka, 1965. – 246 s.
4. Kirilina, A. V. Gendernye aspekty yazyka i kommunikatsii [Tekst] : dis. ... d-ra filol. nauk / A. V. Kirilina. – M., 2000. – 330 s.
5. Kudrova, I. V. Prostory Mariny TSvetaevoj: Poehziya, proza, lichnost' [Tekst] / I. V. Kudrova. – SPb.: Vita Nova, 2003. – 528 s., il.
6. Muratova, E. YU. Rol' mifologicheskikh i biblejskikh imen v poehtike Mariny TSvetaevoj [Tekst] / E. YU. Muratova // «CHuzhbina, rodina moya!»: EHmigrantskiy period zhizni i tvorchestva Mariny TSvetaevoj: sb. dokladov XI Mezhdunarodnoj nauchno-tematicheskoy konferentsii (Moskva, 9–12 oktyabrya 2003 goda). – M.: Dom-muzej Mariny TSvetaevoj, 2004. – 562s.
7. Nikolina, N. A. Filologicheskij analiz teksta [Tekst] : ucheb. posobie dlya stud. vyssh. ped. ucheb. zavedenij / N. A. Nikolina. – M.: Izdatel'skiy tsentr «Akademiya», 2003. – 256 s.
8. Revzina, O. G. Sobstvennyye imena v poehticheskom idiolekte M. TSvetaevoj [Tekst] / O. G. Revzina // Pohtika i stilistika. 1988–1990 / отв. ред. В. П. Григорьев. – М.: Наука, 1991. – С. 172–192.
9. TSvetaeva, M. I. Polnoe sobranie poehzii, prozy, dramaturgii v odnom tome [Tekst] / M. I. TSvetaeva. – M.: «Izdatel'stvo AL'FA-KNIGA», 2009. – 1214 s.: il. – (Polnoe sobranie v odnom tome).
10. EHfron, A. O Marine TSvetaevoj: Vospominaniya docheri [EHlektronnyj resurs] / Proekt «Mir Mariny TSvetaevoj». Koordinator proekta: F. Levichev, 1999–2002. – Rezhim dostupa: <http://www.synnegoria.com/tsvetaeva/WIN/ariadna/strvosp.html> svobodnyj. – Zagl. s ehkrana (20.09.2012).